

Прошло уже 53 часа, а до рассвета оставалось еще 5 часов.

Бай Лисинь: «Давайте сначала отдохнем, у нас еще есть время завтра».

Чжоу Гуан: «Ты прав, мы можем выяснить, кто это на самом деле, завтра во время обязательных работ. В любом случае, это не имеет большого значения, мы можем просто выбрать одного, и вероятность успеха по-прежнему будет составлять четверть!»

Ли Цанкан встала с пола: «Мне хочется пописать. Я выйду ненадолго, ха-ха».

Через несколько минут Ли Цанкан вышла из туалета и была немного ошеломлена, увидев человека во дворе.

Алый лунный свет должен был казаться жутким, но когда этот красный свет осветил лицо юноши перед ней, он только придал молодому человеку золотисто-красный ореол.

Молодой человек стоял высокий и прямой под лунным светом. Его стройная шея была покрыта слоем персиковой пудры под лунным светом, как цветы персика в апреле. Он был и очарователен, и красив.

Ли Цанкан была ошеломлена на несколько секунд, прежде чем покачать головой и подойти: «Ты еще не спишь, Бай Лисинь».

Бай Лисинь лениво прислонился к стене, глядя на красную луну в небе: «Да».

Ли Цанкан подошла к Бай Лисиню и посмотрела на луну, как и он.

Вокруг нее была тишина, и ветер время от времени касался ее уха. Как ни странно, красная луна, которая показалась ей очень страшной в первый день здесь, уже не была такой страшной после нескольких дней жизни здесь.

Ли Цанкан глубоко вздохнула: «Теперь воздух здесь довольно приятный».

Бай Лисинь: «Ну, это довольно мило. Это место было бы раем, если бы не проклятие Речного Бога».

Ли Цанкан: «Кстати, Бай Лисинь, я уже рассказывала тебе о своей бабушке, верно?»

Бай Лисинь: «Да».

«Моя бабушка была исключительно милой. Она была добра ко всем и никогда не теряла

самообладания. Но у нее была плохая жизнь. Мой дедушка умер, и мои родители тоже».

«Бай Лисинь, можешь сделать мне одолжение? Я не знаю, встречу ли я когда-нибудь с тобой или с кем-нибудь таким же хорошим, как ты, позже в игре, и я не знаю, доживу ли я до конца».

— Но я уверена, что ты сможешь. Если у тебя будет возможность выйти, пожалуйста, помоги мне навестить мою бабушку. Она живет по адресу Дорога Юхуа, 32 в городе S. Ее фамилия Ли.

Бай Лисинь, наконец, оторвал взгляд от луны и посмотрел на лицо Ли Цанкан: «Ли Цанкан, не делай глупостей. Нам не нужно, чтобы ты приносила себя в жертву Речному Богу».

Ли Цанкан подняла взгляд, ее миндалевидные глаза были широко раскрыты: «Я... я этого не делала».

Бай Лисинь: «Ты на самом деле проснулась намного раньше, когда у тебя спала температура, не так ли?»

«Как ты узнал?» Лицо Ли Цанкан изменилось.

«В то время Лян Си сказал, что ты вспотела. Я посмотрел, ты плакала. Тогда у тебя была идея принести себя в жертву Речному Богу, верно? Это было понятно».

«Ты была в плохом состоянии с тех пор, как проснулась, и причина, по которой ты так много делала в последние два дня, состоит в том, чтобы занять тебя. Следует уважать жизнь каждого, и каждый имеет право бороться за жизнь».

«Мы все выживем, и я вытащу всех отсюда. Поверь мне».

— Значит, тебе незачем просить меня навестить твою бабушку, ты вполне способна сама навестить ее.

Ли Цанкан уже плакала. Одна за другой слезы падали из ее глаз, как жемчуг. Боясь, что ее рыдания потревожат спящих людей, Ли Цанкан так сильно прикрыла рот, что кончики ее пальцев побелели.

Оказалось, что он все знал, но только не говорил вслух.

Под пристальным взглядом Бай Лисиня Ли Цанкан была похожа на ребенка, который наконец-то нашел дом и впервые почувствовал себя спокойно.

В его взгляде были мудрость и терпимость, которых не должно быть в его возрасте. Глаза Бай

Лисиня были ясными и чистыми, как самые драгоценные и прекрасные черные жемчужины, очищенные после многих лет осаждения.

Прошло немало времени, прежде чем Ли Цанкан смогла сдержать слезы, хотя ее нос продолжал всхлипывать.

Только когда Ли Цанкан полностью успокоилась, Бай Лисинь сказал: «Возвращайся в постель; Завтра предстоит тяжелая битва».

Ли Цанкан уже избавилась от прежнего замешательства и энергично кивнула: «Да!»

Двое на цыпочках вошли в комнату один за другим, их рваные вздохи поднимались и опускались.

В темноте шелковистый водяной туман мягко окутывал все тело Бай Лисиня сзади, медленно увеличивая силу. — Ты переживаешь за нее?

Бай Лисинь: «Не совсем, я просто хочу уменьшить ненужные жертвы. Насколько я могу предположить, даже если и должна была быть жертва Речному Богу, это была бы не она, а я как Святой. Ее жертва не будет служить никакой другой цели, кроме как убить себя».

Низкий голос скользнул по уху: «Ты умнее ее».

Он подождет и увидит, выживет ли этот молодой человек, приговоренный к «верной смерти» с тех пор, как он вступил в игру.

Как бы он ему ни нравился, он не заслуживает быть в его коллекции, если не сможет пережить это.

—

На следующий день, когда пропели петухи, все игроки сразу вышли на улицу.

Из первоначальных 25 осталось только 10.

Прошло 58 часов, а на обратный отсчет оставалось всего 14 часов.

На этот раз пришло много деревенских NPC, и все они держали в руках пилу или стальной нож.

Глава деревни нахмурился и посмотрел на людей перед собой. «Почему осталось всего 10

человек? Пойдемте, все вы должны пойти со мной на этот раз!»

Толпа немного удивилась, но последовала за старостой деревни.

Вскоре они последовали за NPC жителей деревни в гору.

Староста: «Сегодня у нас только одно задание, построить лодку».

Он сделал паузу, и его темный взгляд пробежался по толпе и, наконец, остановился на Бай Лисине: «Святой, у тебя есть другая работа».

Бай Лисинь уходил с главой деревни, и Ли Цанкан торопливо заговорила: «А как насчет меня? Разве я не служанка святого? Разве я не нужна?»

Староста деревни одарил Ли Цанкан медленным, бесстрастным взглядом и сказал: «Не нужно, руби деревья и строй лодку».

Затем глава деревни повел Бай Лисиня через лес, идя медленно из-за своих негнущихся ног. Они медленно двигались в течение почти часа, пока не подошли к дому, в котором Бай Лисинь никогда раньше не был.

Возле дома стояли четверо NPC с железными прутьями, и глава деревни указал на комнату: «Входи».

Бай Лисинь толкнул дверь, и как только он вошел в комнату, он услышал, как дверь закрылась и заперлась снаружи.

Из-за двери раздался голос деревенского старосты: «Это твое наказание за вчерашнюю кражу мемориальной доски Баозр! Твоя работа сегодня — медитировать за закрытыми дверями и переписывать писания! Закончи копирование всех священных писаний на столе, прежде чем ты сможешь уйти; иначе тебе никогда не позволят покинуть эту комнату!»

«Если ты осмелишься выйти наружу, я сломаю ноги не только тебе, но и твоим товарищам!»

Рука Бай Лисиня медленно опустилась с двери.

*Те, кто вышел из замеса, всегда должны отплатить, и, похоже, вчера они разозлили этого деревенского старосту.

* То, что вы делаете с другими, в конце концов вернется к вам.

Бай Лисинь огляделся и обнаружил, что это небольшое помещение.

Книжная полка рядом с ним была заполнена книгами, а на столе лежала толстая стопка священных писаний.

Бай Лисинь не торопился переписывать писания, а подошёл к книжной полке, чтобы посмотреть их.

Книжная полка состояла в основном из книг о милосердии, праведности и мудрости. Углы каждой книги были немного потрепаны, как будто их много раз просматривали, и в нужных местах были частые пометки ручкой.

Почерк был изящный.

Порывшись некоторое время на книжной полке, Бай Лисинь нашел лист бумаги, застрявший в одной из книг. Оно было написано тем же элегантным почерком, но содержание на бумаге было уже не таким элегантным.

Бумага была заполнена словами «Иди к черту», написанными красными чернилами, и кровь была ослепительной.

Бай Лисинь пролистал еще несколько книг и нашел такую же бумагу в нескольких других.

Бай Лисинь задумался, глядя на окровавленные бумаги.

Староста сделал то, что обещал. Он не позволил Бай Лисиню уйти, пока тот не закончит копирование. Бай Лисинь оставался запертым, и жители деревни выпускали его только тогда, когда он хотел сходить в туалет.

Но он все еще не мог уйти после угрозы деревенского старосты. Только через 11 часов, когда Бай Лисинь закончил переписывать все священные писания, охранники отпустили его.

К тому времени солнце уже село.

Прошло семьдесят часов, и остались только последние два часа.

Кинжал, уничтожающий духа, был на талии Бай Лисиня, и оставшиеся 5% правды о проклятии Речного Бога все еще оставались.

Он ожидал, что все уже вернулись, но Бай Лисинь обнаружил, что комната пуста, когда вернулся в свои апартаменты. Был только связанный красный паук, и он с опаской смотрел на

Бай Лисиня, его крошечные глаза были полны страха.

Он сгорбился на полу, его глаза смотрели с тоской.

Бай Лисинь подошел к нему, и красный паук подсознательно отшатнулся.

В следующий момент паук почувствовал, что оковы на его теле ослабли. Бай Лисинь развязал его.

Паук не осмелился повернуться, чтобы напасть на Бай Лисиня. Он боялся побоев, поэтому торопливо топал ногами и бешено бежал.

Убежав на некоторое время, паук осторожно оглянулся.

Неважно, выглядело оно, человек, который его отпустил, уже гнался за ним.

Паук тут же побежал вперед так быстро, как только мог.

Он бежал, он гнался за ним, но он не мог летать!

Наконец паук остановился на месте, нагнулся и отчаянно заскреб по земле.

Бай Лисинь огляделся и вскоре понял, где находится это место.

Подземный зал предков, где староста деревни поместил мемориальную доску Сун Баоэр, находился прямо под его ногами!

<http://bllate.org/book/14977/1324583>